

ему доступныхъ, передъ тѣми большими литературами, которыя задаются отвлеченными задачами и перестаютъ быть понятны для народа.

Но если, какъ мы сказали, были въ этомъ взглядѣ вызывающіе сочувствіе задатки, то его развитіе и примѣненіе у Срезневскаго было такъ односторонне, что здѣсь открывается глубокая, существенная ошибка его цѣлаго литературнаго взгляда. Его спеціальная защита мелкихъ литературъ имѣла свою важность тѣмъ, что когда всѣ интересы тогдашней нашей литературы были поглощены отвлеченными вопросами философіи, общечеловѣческаго искусства, эта точка зрѣнія напоминала о реальномъ интересѣ народа, образовательномъ и нравственномъ возвышеніи забытыхъ массъ, — возбуждала вниманіе къ внутреннему содержанію народнаго быта, въ которомъ была своя историческая мысль, свое старое чтимое преданіе. Но преувеличеніе этой точки зрѣнія повело къ грубой ошибкѣ, къ совершенному непониманію дѣйствительнаго значенія русской литературы. Въ самомъ дѣлѣ, странно было, превозноси маленькія популярныя литературы славянскаго возрожденія, прогибать значеніе русской литературы, гдѣ только что завершилась дѣятельность Пушкина и Лермонтова, гдѣ Гоголь далъ уже свои совершеннѣйшія созданія и гдѣ готовилась къ своему поприщу та блестящая плеяда писателей-художниковъ 40-хъ годовъ, которыхъ теперь встрѣчаетъ съ такимъ изумленнымъ уваженіемъ европейская литература. Академическій бюграфъ замѣчаетъ, что „преувеличенное увлеченіе всѣмъ народнымъ, стремленіе найти въ немъ разгадку исторіи и уясненіе національнаго характера, отодвинуло, къ сожалѣнію, Срезневскаго отъ новѣйшей литературы, даже до такой степени, что въ позднѣйшее время онъ не признавалъ ни таланта въ Гоголѣ, ни его значенія въ нашей литературѣ“<sup>1)</sup>. Этого мало сказать: Срезневскій не признавалъ не только Гоголя, но всей новѣйшей литературы; она была ему непонятна, ея стремленія были ему чужды — случалось, онъ говорилъ съ пренебреженіемъ не только о Гоголѣ, но и многихъ другихъ писателяхъ, имена которыхъ стали славою русской литературы...

Это пренебреженіе было простымъ непониманіемъ, — какъ ни странно это сказать о человѣкѣ съ живымъ, острымъ, даже блестящимъ умомъ, какъ былъ Срезневскій. Причины этого непониманія были довольно сложны, и одною изъ нихъ была несомнѣнно — воспитавшая его харьковская наука. Въ университетѣ Срез-

<sup>1)</sup> Отчетъ, стр. 39.